

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ, П.А. АМБАРОВА

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ВОЗРАСТНЫХ ОБЩНОСТЕЙ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ¹

Аннотация. Цель статьи состоит в анализе возрастных общностей в контексте единства и противоречивости их биологического, психологического и социального времени для выявления особенностей их темпоральных стратегий поведения. Представлены результаты теоретической разработки понятий возрастной общности, ее темпоральных противоречий и типологического анализа стратегий их преодоления. Обосновано применение междисциплинарной методологии в исследовании данного вопроса и интеграции достижений естественных наук, социальной психологии и социологии. Дана авторская трактовка возрастной общности как объединения людей, связанных и взаимодействующих между собой на основе схожего биологического, психологического и социального возрастов, особенности и противоречия которых формируются в конкретном социально-историческом контексте. Раскрыто понятие дисхроноза как рассогласования трех видов времени возрастной общности — биологического, психологического и социального. Предложен один из возможных подходов к построению

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления.

Адрес: 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. **Телефон:** +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** garoldzborovsky@gmail.com

Амбарова Полина Анатольевна — доктор социологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления. **Адрес:** 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. **Телефон:** +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** borges75@mail.ru

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00014 «Время социальной общности: методология и методы исследования стратегий разрешения темпоральных противоречий».

типологии стратегий преодоления дисхроноза возрастной общности. Показано, что он базируется на использовании такого критерия, как выбор способов преодоления темпоральных противоречий. Эмпирической базой статьи послужили результаты исследования, проведенного авторами с использованием качественных методов — глубинного интервью с представителями различных возрастных общностей; анализа контента веб-сайтов, форумов, блогов, соцсетей, связанного с проблемой исследования. Результаты исследования могут найти отражение в рекомендациях для образовательных, культурных, досуговых организаций, социальных учреждений, работающих с различными возрастными общностями, органов государственной власти и местного самоуправления с целью оптимизации социальной, экономической, культурной и образовательной политики.

Ключевые слова: возрастная общность; дисхроноз; стратегии преодоления темпоральных противоречий; биологическое время; психологическое время; социальное время.

Для цитирования: Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Темпоральные противоречия возрастных общностей: типологический анализ стратегий преодоления // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 2. С. 8–27. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5157

Понятие возрастной общности

Развитие идеи времени как универсального фактора становления социальной реальности привело к расширению способов конституирования жизненного мира социальных общностей. Время выступает своеобразным «клеем», скрепляющим связи и отношения внутри социальных общностей, обеспечивает основу их самоидентификации, служит ресурсом их воспроизводства, развития, интеграции в общество. Оно выступает общностнообразующим признаком практически всех видов социальных общностей. Однако существует определенный их тип, возникновение и функционирование которого базируется исключительно на темпоральной основе. К таким *темпоральным* общностям мы относим прежде всего возрастные, когортные и поколенческие общности. Поскольку абсолютно все люди так или иначе включены в них (в этом смысле данные общности всеохватны), каждый человек становится субъектом возрастного, когортного и поколенческого времени.

Отметим, что поколения и когорты, в свою очередь, связаны с определенными возрастными характеристиками людей, входящих в их состав. Следовательно, можно допустить, что основу поколенческих и когортных образований составляют общности возрастные. Приведем в связи с этим суждение В.В. Семеновой: «Все возрастные характеристики по своей сути являются функцией времени. Отношения между отдельными жизненными событиями во времени

требуют привлечения временных понятий скорости, последовательности событий в жизненном опыте индивидов от рождения до смерти. Поэтому при концептуальном рассмотрении поколений проблематика социального времени является исходной базовой категорией» [9, с. 27].

Специфика возрастной общности накладывает печать на ее место в социальной структуре общества. Она *не относится* к числу тех общностей, с которыми люди идентифицируют себя в первую очередь. Прежде всего они причисляют себя к профессиональным, образовательным, национально-этническим, семейным, досуговым общностям. В этом смысле возрастные общности относятся к числу общностей второго уровня идентификации. Справедливость этого утверждения доказывает исследование саратовских социологов, проведенное под руководством В.Н. Ярской [11]. Оно показало, что при соотнесении индивидом себя с различными социальными группами фактор *возраста* оказывается менее значимым по сравнению с семейными и профессиональными признаками.

Между тем возрастные параметры нельзя не учитывать. По данным саратовского исследования, группа людей, для которой возрастной фактор вообще незначим, оказалась немногочисленной — 22,5% от числа опрошенных. Более того, в сравнении с гендерным фактором темпоральная связь людей одного поколения оказалась даже сильнее (73,2 против 64%) [11, с. 18]. Таким образом, несмотря на то, что возраст перестал быть базовым структурообразующим фактором социальности [2], он продолжает оставаться значимым смыслообразующим основанием жизнедеятельности социальных общностей, выступает важным (хотя и не первостепенным) основанием для их социальной интеграции и сплоченности.

В современном исследовании возрастных общностей наибольшую продуктивность показывает междисциплинарная методология, интегрирующая принципы системного подхода и достижения различных наук: биологии, антропологии, акмеологии, общей и социальной психологии, социологии, демографии. В каждой из названных наук сложились специфические трактовки возрастной общности, обращение к которым позволяет более полно и глубоко понять этот феномен. Между тем обобщающую характеристику возрастной общности может дать, по нашему мнению, социологическая наука. Она позволяет сформировать целостный взгляд на возраст, рассматривать его как феномен биологический, психологический, антропологический, акмеологический, демографический, социальный.

С позиций такого методологического подхода мы определяем возрастную общность как объединение людей, связанных и взаимодействующих между собой на основе схожего биологического,

психологического и социального возрастов, особенности и противоречия которых формируются в конкретном социально-историческом контексте. Это позволяет идентифицировать ее в возрастной структуре общества.

Междисциплинарный подход приобретает особое значение при определении научно обоснованных возрастных границ, позволяющих построить возрастную периодизацию и выявить на основании этого виды возрастных общностей. Если на индивидуальном уровне с этой проблемой «работают» биология, психология, антропология, акмеология, то на групповом (общностном) — демография и социология. При этом антропология и акмеология выполняют роль промежуточного звена при переходе от индивидуально-возрастных трактовок, сложившихся в биологии и психологии, к социально-возрастным, характерным для демографии и социологии. Возрастные периодизации, представленные в педагогике, психологии, физиологии, активно используются в современной социологии и могут выступать основой для социального анализа возрастных общностей. Такой анализ означает выявление основных социальных (внутренних и внешних) факторов, влияющих на возрастные общности. Среди них — доминантные виды и формы деятельности, процессы социализации, адаптации, интериоризации, влияние социальных институтов и др.

Возрастной общности присущи все основные общностнообразующие признаки, характерные для любого типа социальной общности. К таким признакам относятся: целостность, осознание людьми своей принадлежности к общности (идентификация и самоидентификация), схожие условия жизни и деятельности, наличие определенных пространственно-временных полей бытия, реализация функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания и использования различных ресурсов [6, с. 109–110].

Возрастная общность, как и другие виды общностей, характеризуется относительной целостностью в пределах определенных временных границ; осознанием членами этой общности своей принадлежности к ней (за исключением маленьких детей); схожими условиями жизни (общее социальное окружение, влияние СМИ, особенности социализации); тождественностью доминантных видов деятельности (игра, учеба, труд и т. д.); совпадающими структурами хронотопа (пространственно-временные поля), связанными с доминирующими формами и видами деятельности; обладанием и использованием определенных возрастных ресурсов, часть которых является сугубо индивидуальными, другая же часть — социальными; превращением возрастной общности в самостоятельного субъекта социальной деятельности на основе использования имеющихся у нее ресурсов.

Наряду с общими признаками, характерными для любой социальной общности, возрастная имеет также специфические признаки. Например, важной универсальной характеристикой социальной общности выступает длительность ее существования. Поскольку основной единицей измерения «возраста» социальной общности выступают годы, функционирование возрастной общности также может определяться периодом нескольких лет или даже десятилетий существования. Между тем в изучении возрастных общностей важен не их собственный «возраст», а длительность пребывания в них конкретных людей. Именно в связи с этим возникает потребность в изучении такой проблемы, как стабильность и подвижность границ возрастных общностей.

Так, если говорят о возрастной общности молодежи, то чаще всего понимают под ней людей от 14–16 до 30–35 лет. Одни авторы предлагают снижать нижнюю границу данной общности, другие — повысить ее верхнюю границу. Временные границы любых других возрастных общностей — детей-дошкольников, школьников, людей зрелого трудового возраста, «предпенсионеров», пожилых, старых людей — могут быть жестко определены в одних случаях, в других становятся размытыми, подвижными, проницаемыми.

В течение своего жизненного пути каждый человек последовательно совершает несколько переходов из одной возрастной общности в другую. При этом «перескочить» биологически через какую-то возрастную общность человеку не дано в силу естественных законов. Сделать это он может лишь в социальном плане, скажем, повзрослев быстрее других членов конкретной возрастной общности, преодолев за короткий срок образовательные, культурные и трудовые рубежи того или иного возраста.

Определенные и неизбежные фазы эволюции общества (рождение, становление, зрелость, дряхление, умирание) отражаются в возрастном развитии человека, при переходе его из одной возрастной общности в другую, из одного «возраста как времени» в другой «возраст как время». При этом у членов возрастной общности возникает ощущение и осознание временности своего пребывания в ней, неотвратимости перехода в другую. В одних возрастных общностях такое ощущение преобразуется в стремление их членов побыстрее перейти из одной возрастной категории в следующую, в других же оно сопровождается сожалением по поводу предстоящего перехода.

Дисхроноз возрастной общности

Подобные коллизии возрастного перехода связаны с тем, что возрастная общность представляет собой результат переплетения биологического, психологического и социального времени. Эти виды времени могут находиться в разном состоянии: относительного един-

ства, нестыковки, противоречий. В одних случаях биологический, психологический и социальный возрасты каких-то общностей (или отдельных людей) могут соответствовать друг другу. В других случаях этого единства может и не быть. Тогда мы говорим о явлении *дисхроноза* — рассогласованности различных видов времени. Типичным примером служит акселерация (ускорение) биологического возраста человека, опережающего время его психологического и социального развития. Конечно, может наблюдаться и противоположная тенденция, когда биологическое время (биологический возраст человека) отстает от времени его социального и интеллектуального развития.

Противоречие между биологическим, психологическим и социальным временем возрастной общности базируется на разности потенциалов и динамики каждого из указанных видов времени. Например, биологический возраст, выраженный в сложном наборе функциональных характеристик человека, определяющих его внешний вид, состояние здоровья, физические способности к определенным видам поведения и деятельности, служит источником «темпорального напряжения» возрастной общности: подросткам всегда не хватает биологических признаков зрелости, напротив, старшее поколение стремится избавиться от биологических (а вслед за этим и от социальных) признаков старения.

Изучение возрастной общности сквозь призму различных видов ее времени обусловлено рядом причин теоретического и прикладного плана. Прежде всего востребованностью во многих сферах практической деятельности научно обоснованного знания о человеческом капитале, потенциале и проблемах различных возрастных общностей, в том числе связанных и обусловленных фактором времени (биологического, психологического и социального). Анализ научной литературы, повестки дня научных мероприятий, проводимых за рубежом и в России, управленческого дискурса показал, что дефицит такого знания особенно остро испытывают сферы образования, культуры, трудовой занятости, социальной политики (в частности, практика организации волонтерства и работы с пожилым населением) [12; 13; 14].

Кроме того, существует острая необходимость объяснения ряда новых социальных и социокультурных явлений и процессов, связанных с возрастом, таких как «молодые старики», «взросление» и «старение» студенчества, слоулайферы, «детские игрушки и игры для взрослых», speeddating среди молодежи, практики форсированного обучения и ускоренного образования. По-прежнему актуальна проблема разработки социальных технологий регулирования межпоколенческих отношений, позволяющих минимизировать последствия эйджизма и сформировать культуру межвозрастной толерантности.

Наше исследование показало, что существуют знаниевые лакуны в практиках социального управления различными возрастными общностями и острая потребность в разработке специальных программ мобилизации потенциала детей, молодежи и людей «серебряного возраста», сохранения человеческого капитала представителей возраста акме.

Исследование возрастных общностей в темпоральном разрезе, учитывающее их биологические, психологические и социальные особенности, позволяет увидеть в возрасте как биологический и психологический, так и социальный ресурс. Необходимо выявить потенциал этого ресурса и возможности превращения возраста в специфический капитал социальной общности (следуя словам известной песни: «мой год — мое богатство»). Результаты такого исследования будут способствовать развитию социологии возраста, социальной общности, времени и обогатят методологический арсенал этих отраслей социологического знания.

Темпоральные стратегии поведения возрастной общности и их типология

Осмысление и оценка человеческого капитала конкретной возрастной общности требуют исследования содержания и характера ее темпоральных противоречий, а также стратегий их разрешения. Существенное значение имеет типология темпоральных стратегий поведения возрастных общностей. Она позволяет выявить общее и особенное в их темпоральном поведении, показать спектр его стратегий — традиционных и инновационных, имеющих различную степень конструктивности и распространенности. Выявление этих типов темпоральных стратегий, их соотношения, представленности в возрастных общностях может дать новый срез социальной структуры и вывести на осмысление тенденций и динамики возрастных процессов в обществе.

Стратегию преодоления темпоральных противоречий можно рассматривать в качестве разновидности темпоральных стратегий поведения возрастных общностей. Под ней мы понимаем *сознательную целенаправленную деятельность возрастной общности, ориентированную на поиск способов согласования темпоральных процессов в их биологической, психологической и социальной формах*. Стратегический характер такая деятельность приобретает благодаря концентрации усилий и ресурсов, имеющихся в распоряжении возрастной общности, для разрешения темпоральных противоречий.

Возрастных общностей много, и каждая из них неоднородна, дифференцирована по многим социальным, культурным, экономическим и иным признакам. Соответственно, мы можем предположить, что возрастными общностями вырабатывается несколько типичных стратегий преодоления темпоральных противоречий.

Для построения и анализа типологии темпоральных стратегий можно выработать несколько подходов, акцентируя внимание на таких различных аспектах темпоральности, как ценностное отношение к возрасту, выбор сферы реализации темпоральной стратегии, индивидуалистический подход к формированию темпоральной стратегии или включенность в коллективные практики, имитационный или содержательный характер усвоения моделей темпорального поведения и др. В данной статье мы предлагаем рассмотреть типологию, основанием которой выступает выбор способов преодоления дисхроноза.

В соответствии с предложенным основанием мы выделяем *традиционные* и *инновационные* стратегии преодоления темпоральных противоречий. Название первого типа означает следование привычным, устоявшимся, социально одобряемым моделям темпорального поведения. При этом такое традиционное темпоральное поведение вовсе не означает отсутствия какой-либо социальной, жизненной активности со стороны его субъектов. Напротив, в своем стремлении преодолеть ситуацию дисхроноза и его последствия они действуют с различной степенью активности (она может быть низкой или достаточно высокой). Традиционность темпорального поведения связана с нежеланием выбирать или самостоятельно конструировать новые темпоральные модели поведения.

Потребность в преодолении темпоральных противоречий у носителей традиционной стратегии реализуется в различных сферах жизнедеятельности. Однако спектр конкретных видов деятельности и моделей темпорального поведения ограничен возрастными стереотипами и культурными традициями, преодолевать которые носители этих стратегий либо не умеют, либо сознательно не хотят. Поэтому характерным признаком традиционной темпоральной стратегии является выбор привычных для возрастной общности сфер и видов деятельности: для детей дошкольного возраста — игра, для школьников — игра и образование (в различном сочетании в зависимости от возраста), для молодежи и зрелых людей — образование и профессиональный труд, для старших возрастных общностей — досуг и семейный (внерыночный) труд. Выход за рамки ведущей деятельности в поиске новых способов преодоления дисхроноза носителями традиционных стратегий практически не осуществляется и не приветствуется.

Если говорить о таком важном признаке темпоральной стратегии, как характер взаимодействия с представителями других возрастных общностей, то для носителей традиционных темпоральных стратегий, как правило, характерна возрастная гомогенность общения и взаимодействия. Этот фактор служит ограничивающим условием поиска новых способов преодоления дисхроноза, поскольку

ку способствует простому воспроизводству моделей темпорального поведения и закреплению традиционных маркеров идентификации и возрастных автостереотипов.

Носители инновационных стратегий осуществляют активный, избирательный поиск новых способов преодоления дисхроноза. Зачастую эти способы бросают вызов сложившимся в общественном сознании представлениям о возрасте и социальных ролях, предписанных ему. Образно говоря, биологические, психологические и социальные часы носителей инновационных темпоральных стратегий идут не запрограммированным путем, а по «нелинейному» графику.

В ситуации выбора способа преодоления дисхроноза они стремятся, как правило, не к подчинению, а к согласованию и гармонизации различных темпоральных процессов. При этом выбираются нетипичные для их возраста виды и сферы деятельности. Некоторые из них противоречат сложившимся в обществе возрастным стереотипам и культурным традициям. Существенное значение для формирования темпоральной стратегии этого типа имеет активное и многогранное взаимодействие с различными возрастными общностями — как со старшими, так и с младшими. Такое взаимодействие служит источником темпоральных инноваций и «экспериментов» с возрастом, средством разрушения консервативных возрастных стереотипов и эйджизма.

Характеристика типов стратегий преодоления дисхроноза

Развернутая характеристика представленных типов темпоральных стратегий возрастных общностей была основана на результатах эмпирического исследования, проведенного авторами в 2016 г. Это исследование было осуществлено на основе качественной методологии², поэтому позволило выявить спектр темпоральных стратегий без определения степени их распространенности в тех или иных возрастных общностях. Тем не менее оно показало, что выявленные темпоральные стратегии преодоления дисхроноза имеют не индивидуальный, а коллективный характер, то есть присущи не одному человеку, а группе людей, устанавливающих прямые и опосредованные контакты по поводу обмена опытом осмысления и проживания их ситуации.

Очевидно, что с увеличением возраста человека — при переходе его в более старшую возрастную общность — потенциально расши-

² Использован метод глубинного полуструктурированного интервью. В 2016 г. опрошено 25 представителей различных возрастных общностей, проживающих в Екатеринбурге. В исследовании применялся метод анализа интервью с представителями старших возрастных общностей, размещенных в СМИ, а также изучения контента веб-сайтов, форумов, блогов, групп в социальных сетях, посвященных различным проблемам возрастных общностей.

руется спектр видов деятельности, в которые он может включаться, реализуя свою темпоральную стратегию. У детей младшего возраста количество видов деятельности, посредством которых они могут «снять» проявления дисхроноза, минимальное (преимущественно игра и в меньшей степени — обучение). В этом случае выбор темпоральной стратегии естественным образом ограничен возрастными способностями и возможностями, прежде всего психофизиологическими. Кроме того, как показало наше исследование, возможные варианты конструирования темпоральной стратегии у детей в большинстве случаев определяются волей, интересами и степенью активности их родителей. В связи с этим применять предлагаемую типологию темпоральных стратегий по отношению к возрастной общности детей без всяких оговорок и адаптации нам представляется некорректным. Скорее всего, данная типология становится релевантным инструментом изучения старших возрастных общностей, представители которых способны относительно независимо осуществлять выбор сферы жизненной активности и поведенческой стратегии.

В отличие от детей старшим возрастным общностям потенциально доступен максимальный спектр видов и сфер деятельности. Однако мы понимаем, что в реальности их выбор также ограничен, и не только психофизиологическими, но и социальными факторами. Именно отношение к этим факторам-ограничениям, потребность в их преодолении и способы ее удовлетворения создают ситуацию выбора типа темпоральной стратегии преодоления дисхроноза. Наше исследование показало, что наиболее остро дисхроноз проявляется в старшем — предпенсионном или пенсионном — возрасте. Именно в этот период наиболее четко выражена дифференциация социальной общности по типу темпоральной стратегии поведения.

Стратегии первого типа у старших возрастных общностей разворачиваются в традиционных сферах жизнедеятельности. Прежде всего, это такие виды досуга, как занятие рукоделием, чтение книг, сбор грибов, ягод, охота, рыбалка, огородничество и садоводство, посещение театров, концертов, просмотр телевизионных передач, Интернет. Кроме того, это различные виды домашнего труда: ведение домашнего хозяйства, уход за престарелыми членами семьи и маленькими детьми. По мнению наших информантов, эти виды деятельности позволяют им сохранить здоровье, активный образ жизни, подвижность, хорошее настроение. Включаясь в них, они чувствуют себя «еще не совсем *устаревшими*», востребованными, причастными «*молодой жизни*»:

«Меня спрашивают: чем заняться на пенсии, если ты неработающая пенсионерка? У меня есть внуки, я занимаюсь немного ими. У меня есть хобби, увлечения. Я по натуре человек увлекающийся: что бы я ни делала, у меня нет остановки в развитии. Сегодня я вышиваю, увидела в Интернете валя-

ние из шерсти — начала этим заниматься. Мне нравится вязать. Я люблю заниматься рукоделием. У кого есть возможность и у кого есть желание путешествовать, конечно, это интересно. Но мне сейчас этим не хочется заниматься, я стала тяжелея на подъем. В основном я сижу дома, занимаюсь чем угодно. Например, делаю открытки. Совершенно детское занятие, но мне оно нравится. Кто-то может готовить еду. Если сам не хочет есть, детям можно отдать, помочь им. Самое страшное — это одиночество. Хорошо, если есть дети, внуки, братья, сестры. С ними можно как-то пережить пенсию, затормозить процесс старения. Главное — быть здоровеньким. Надо больше гулять, встречаться с подружками» (О.П.).

Анализ контента форумов, на которых ведется дискуссия на тему «чем заняться на пенсии, чтобы не стареть», позволяет сделать вывод о преобладании традиционных установок в отношении выбора сфер деятельности, а также способов снятия дисхроноза. Идеология сторонников «традиционного старения» направлена на приспособление к внешним условиям, заданным его физическим процессом: необходимо принять — позитивно, не трагедизируя, как данность — последствия истощения физического времени-возраста: усталость, болезни, изменение внешности, психики. Примирение с биологическим возрастом и расширение социальной и психической активности внутри его границ — главные задачи, которые решаются с помощью выработки традиционных темпоральных стратегий поведения.

«Стала часто болеть — возраст уже такой... Дочь говорит: надо в больницу, к хорошему врачу. А я ей отвечаю: мне уже в другое место пора, а не в больницу. Хотя нам болеть с дедом некогда и умирать тоже. Надо за внуками присмотреть, помочь детям по хозяйству. А весной, летом и осенью — сад: надо и рассаду посадить, вовремя все полить-собрать. Опять болеть некогда. А зимой — снова внуки: в школу их отвести, из школы встретить, накормить, проследить за ними» (А.А.).

Таким образом, мы видим, что степень физической и интеллектуальной активности у многих носителей традиционных темпоральных стратегий может быть достаточно высокой. Она часто поддерживается сознательно как способ сохранения оптимального физического и психического состояния. Однако социальное и психологическое время представителей этой общности «следует» за биологическим возрастом, обеспечивая традиционный сценарий «продуктивного старения».

Важным фактором формирования и реализации сценария традиционной темпоральной стратегии выступает круг общения, образованный преимущественно представителями «третьего возраста». Отметим, что под влиянием информационных технологий меняется формат общения представителей старшего поколения. Помимо традиционных форм (клубы по интересам, досуговые центры, хоры ветеранов), появляются интернет-форумы, чаты, социальные сети,

но принципиально состав участников сети остается прежним, то есть гомогенным в возрастном отношении.

Таким образом, формирование и поддержание сети социального взаимодействия сохраняется в качестве важнейшего условия «продуктивного старения». Однако эта сеть не может продуцировать новые модели темпорального поведения. Она в основном воспроизводит традиционный репертуар социальных ролей и видов досуговой деятельности «третьего возраста», может быть, несколько «подновленный» и расширенный в контексте социокультурных изменений.

Проведенные нами глубинные интервью с представителями старших возрастных общностей показали наличие у них выраженного интереса к своему поколению, замыкание в границах своей возрастной общности и отсутствие потребности к общению с представителями иных возрастов (помимо ближайших родственников). Очевидно, что традиционная темпоральная стратегия поведения, даже при наличии эффекта продуктивного разрешения темпоральных противоречий, поддерживает социальную модель эксклюзии старшего поколения, тогда как насущно необходим переход к модели инклюзии и межпоколенческого диалога.

Отчасти эта социальная задача решается посредством формирования инновационных темпоральных стратегий преодоления дисхроноза, нелинейный и вариативный характер которых вызывает повышенный исследовательский интерес. Данный тип стратегий складывается в различных возрастных общностях и основан на преодолении границ и барьеров, предписанных возрасту, в многообразном спектре видов деятельности и взаимодействия. Благодаря расширению круга общения и активному интересу к образу жизни других возрастных общностей носители активных темпоральных стратегий поведения «примеряют» на себя их социальные роли и заимствуют их модели поведения.

«В последнее время я меньше общаюсь с людьми своего возраста. Общаюсь, конечно, но мне это тяжело. Стараюсь делать это как можно реже. Многие болеют, кто-то уходит... Мне нравится быть с молодежью, они все живые, интересные. С ними забываешь про свой возраст. Не знаю, интересна ли я им, но я стараюсь. Даже когда одежду выбираю или волосы крашу, думаю: а что сказала бы моя дочь?» (Г.А.).

Вектор темпоральных ориентаций носителей инновационных стратегий (на более молодой или зрелый возраст) связан с двумя моментами. Во-первых, он зависит от того, какое время — биологическое или социальное — становится для них ведущим. Во-вторых, зависит от того, какие внешние темпоральные факторы становятся доминирующими — акселерация или децелерация биологического времени возрастной общности или ускорение социального времени

общества. В целом же прослеживается тенденция, зафиксированная социальными психологами: стремление молодых казаться старше и стремление представителей старших возрастных групп казаться моложе своего календарного возраста. Социально-психологическая тенденция, накладываясь на нелинейность (неравномерное ускорение или замедление) биологического или социального времени, проявляется в нескольких вариациях инновационных темпоральных стратегий преодоления дисхроноза.

Поскольку мы уже обратили внимание на актуальность проблемы дисхроноза для старших возрастных общностей, рассмотрим теперь инновационные темпоральные стратегии, которые вырабатываются отдельными группами возрастных общностей в ответ на их потребность в замедлении биологического времени. Социальные, культурные, экономические предпосылки этой темпоральной тенденции уже описаны в литературе [3; 4; 5; 8], поэтому останавливаться на них нет смысла.

В нашем исследовании мы акцентируем внимание на стратегиях позднего деторождения, на образовательных стратегиях студентов «серебряного возраста», на стратегиях «преодоления возраста», основанных на использовании медицинских технологий (так называемая антиэйджинговая, или антивозрастная, медицина), и на самосохранительных практиках, стратегиях «второго рождения в профессии» [1; 7]. Названные стратегии объединяют стойкое стремление их носителей «преодолеть» свой возраст и связанная с этим противоречивая по своему характеру возрастная самоидентификация.

В своем интервью одна из «возрастных» мам сообщает:

«Я осознаю, что выгляжу точно на свой возраст: у меня многочисленные морщины и старая кожа. Поэтому не люблю смотреться в зеркало (это единственное, что напоминает мне о возрасте), но я обожаю свою позднюю дочь. Я чувствую себя очень молодой, лет на 27, максимум на 37, когда очень сильно устаю, и полной энергии, при этом я здоровее, чем большинство женщин вдвое меня моложе» (А.И.).

Для данного типа темпоральных стратегий характерна инновационность способов преодоления дисхроноза — смелое вступление в разновозрастной брак, рождение детей в зрелом и пожилом возрасте, приобретение нового образования и даже профессии, позволяющей оставаться включенными в рыночную экономику.

Реализация инновационных темпоральных стратегий поведения происходит, как видим, в самых разных сферах жизнедеятельности, которые избираются в качестве доминирующих (семья, брак, здоровье, профессия, образование, досуг и др.). Однако в общественном сознании либо некоторые из них не признаются в качестве ведущих для этого возраста, либо модели темпорального поведения в этих сферах

не соответствуют возрастным стереотипам. Так, например, позднее деторождение, несмотря на то что оно перестало носить единичный характер как за рубежом, так и в России, до сих пор довольно критично воспринимается в нашем обществе.

«Когда появилась Клеопатра, на работе все онемели. Кто-то осуждает, кто-то поддерживает» (А.Ш.).

«Целый месяц мы жили спокойно, пока не начали оформлять документы. Вот тут и начались звонки, вопросы. А я не Алла Пугачева и не хотела, чтобы об этом знали. Мы даже родственникам не сообщали до самих родов» (Г.Ш.).

Исключение составляет, пожалуй, только сфера образования. Групповые интервью со студентами уральских вузов, проведенные авторами, показали, что студенческая молодежь вовсе не возражает против присутствия в их группах возрастных студентов: *«Это даже интересно — учиться с опытными людьми, знающими жизнь не по книжкам и учебникам, как мы. Они могли бы быть старостами в наших группах».*

Или другой пример, приведенный на основе описания ситуации общения в культурном центре университета Тулузы, который открыт и для молодых, и для возрастных студентов:

«Вот оживленно разговаривают студент Доминик (23 года) и Жак Ферран (73 года), бывший инженер, они обсуждают детали нанесения японской идеограммы на шелк. Работой этой занят Жак, а Доминик живо интересуется деталями. Здесь люди называют друг друга по имени, здесь царит семейная атмосфера. “Я встретил здесь много друзей, — говорит Жак. — После занятий мы все вместе, и старые, и молодые, проводим некоторое время в ближайшем кафе за чашечкой кофе”» [10].

Важно отметить, что инновационные темпоральные стратегии поведения показывают определенную степень своей продуктивности, выполняя ряд функций:

- во-первых, ауксологическую функцию, заключающуюся в торможении процессов физического старения и атрофии интеллектуальной функции;
- во-вторых, адаптационную функцию, обеспечивающую конкурентоспособность старших возрастных общностей;
- в-третьих, функцию межпоколенческой интеграции, которая способствует установлению многоуровневых и многоаспектных взаимодействий между различными возрастными группами и выведению старших возрастных общностей из состояния эксклюзии.

Наше эмпирическое исследование позволило выявить и проанализировать не только вариации традиционных и инновационных стратегий преодоления темпоральных противоречий возрастных общностей. Мы пришли к выводу, что не все инновационные стратегии могут получить однозначную оценку по такому критерию, как их

конструктивность и позитивное влияние на физиологическое, психическое и социальное здоровье человека. Некоторые из них превратились в модный тренд и приобрели массовый характер, вследствие чего встает вопрос о степени избирательности и активности их носителей.

В связи с этим мы предлагаем выделить особый — третий — *имитационный тип* темпоральных стратегий поведения, в основе которого лежит сочетание ориентации на инновационную модель темпорального поведения и одновременно механизма подражания, то есть пассивного копирования паттернов поведения. На наш взгляд, данный тип стратегий преодоления дисхроноза заслуживает внимания и дальнейшего исследования в силу неоднозначности его последствий и массового распространения в социальных практиках возрастных общностей. Прежде всего, речь идет о детской возрастной общности и детско-родительских практиках форсированного интеллектуального развития и воспитания «маленьких взрослых».

Эти разновидности темпоральных стратегий имитационного типа детерминированы ускорением социального времени общества. «Быстрое» время общества, спроецированное на социальное время возрастной общности и отдельных ее представителей, приобретает статус ведущего фактора, подчиняющего себе биологическое и психологическое время.

Выбирая в качестве объекта изучения возрастные общности детей и подростков, а также их родителей, мы исходили из понимания того, что темпоральные стратегии (особенно в детском возрасте) либо формируются под влиянием родителей, либо навязываются с их стороны. Еще одно предположение было связано с представлениями о существовании временного лага между биологическими и культурными процессами и о таких его последствиях, как сохранение поведенческих стратегий ускорения психологического и социального времени детей и подростков при формировании тенденции к децелерации (замедлению биологического развития).

Первая имитационная темпоральная стратегия предполагает форсирование интеллектуального взросления детей посредством специальных методик. В рамках этой стратегии раннее развитие детей становится маркером родительской любви и сознательного родительства и подкрепляется использованием широкого спектра предложений на рынке дополнительного образования для детей. Не ставя под сомнение необходимость самой модели сознательного родительства или развивающей педагогики, мы делаем акцент на опасности приобретения такими образовательными практиками характера модных паттернов, которые применяются родителями к детям из соображений престижности, следования социальной норме, боязни неуспешности. Приведем мнение мамы такого ребенка:

«Почему веселые малыши, годами ходившие на всякие “развивалки”, начиная лет с полутора, потом в школе часто как-то совсем не блещут? Устали что ли, перегорели, уже надоело учиться за столько-то лет? Или еще хуже — блещут, но никак не могут найти себе друзей, возвышаются над толпой, этакие юные снобы... Оказалось, что моей дочери не подходит такой путь. Конечно, она ползала по ковру с карточками и даже читала их, но больше — чтобы меня обрадовать, чем ради себя самой. А в клубе играла исключительно с игрушками, не желая общаться с кубиками и прочими конусами-цилиндрами. Я недоумевала, сердилась, но вдруг однажды как-то внезапно поняла: надо уходить. За внешней привлекательностью, результативностью, креативностью как-то уж очень явственно проступали ребра обыкновенного взрослого тщеславия» (Е.Л.).

Как видим из этого высказывания, стратегия ускорения интеллектуального развития ребенка не имеет однозначно позитивного влияния на детей и не подходит всем им в равной степени. Развитие ребенка в связи с этим должно мыслиться в категории *своевременности* (а не «опоздал/не опоздал»). Применение развивающих методик вполне обосновано, если ускорение психологического и социального времени ребенка идет вслед за акселерацией биологического возраста и не входит в явное противоречие с социальным и психологическим временем социального окружения ребенка. При наблюдаемой тенденции к децелерации детей следование родителей стратегии ускорения времени может иметь негативные последствия для физического здоровья, психического и социального благополучия ребенка.

Вторая разновидность стратегии ускорения психологического и социального времени детей, которая с очевидностью просматривается среди родительских практик, связана с различными форматами трансляции паттернов поведения взрослых людей на детский образ жизни и поведение. Условно эту стратегию можно назвать стратегией воспитания «маленьких взрослых».

В современном российском обществе, которое остается по своей сути детоцентричным, появляются сознательно конструируемые практики «изымания» детей из детства. Один из вариантов такой стратегии — вовлечение детей в модельный бизнес, форсированное взросление ребенка посредством переноса на него внешних признаков взрослого: фасона одежды и обуви, прически или стрижки, походки и мимики, использования макияжа, маникюра, педикюра, искусственных ресниц, в редких, но имеющих место случаях — применение хирургических операций и косметических процедур, специальных диет для моделирования форм тела и лица.

Анализ содержания нескольких интервью с маленькими моделями показывает, что меняются не только внешние признаки их поведения, но и содержание и формы жизнедеятельности. Основные формы — образование и игры — уходят на второй план, заменяются почти про-

фессиональной занятостью в съемках и дефиле, ведением собственных сайтов, фан-клубов, посещением салонов красоты, фитнеса, общением с публикой, журналистами. Вот фрагмент наблюдений мамы одной из юных моделей на столичном кастинге:

«К нам вышел мальчонка лет одиннадцати, восходящая звезда канала, ведущий со взрослыми какую-то передачу “на злобу дня”. Я озвучила тупой, как выяснилось, вопрос: почему в среду в 10 часов утра он не в школе? Оказалось, что в школе у него “свободное посещение”, что делать там ему нечего. Но мне стало интересно: как же мальчик собирается работать журналистом, где требуются грамотность, начитанность и кругозор? Мальчик изрек, что для работы ведущего надо уметь читать текст с суфлера или, в крайнем случае, запомнить три предложения для съемки дубля» (Б.К.).

В качестве вывода отметим, что изучение темпоральных противоречий возрастных общностей и стратегий их преодоления с очевидностью показывает формирование в современном обществе особого темпорального вызова, связанного с новым осмыслением феномена возраста человека. «Эксперименты» со временем в «текущем» обществе продолжают, затрагивая те сферы и виды деятельности, которые прежде не становились предметом социальных преобразований. Фундаментальность возрастной структуры общества ранее не подвергалась сомнению и подчиняла себе поведение и деятельность больших социальных групп и общностей. Сегодня же мы видим, что возможна социальная инверсия, когда обостряющиеся противоречия биологического, психологического и социального времени возрастных общностей и выработанные ими стратегии преодоления дисхроноза станут фактором трансформации возрастной структуры и ее социальных функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амбарова П.А.* Родятся дети, и жизнь повторится сначала... Пожилое родительство как стратегия «преодоления возраста» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2016. № 4. С. 127–134.
2. *Бочаров В.В.* Антропология возраста. СПб.: СПбГУ, 2000. — 196 с.
3. *Бухалова Н.А.* Проблемы социальной инклюзии лиц пожилого и старческого возраста // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 4. С. 57–60.
4. *Высоцкая И.В.* Самостоятельная организация как образовательное учреждение в сфере образования пожилых людей в Германии // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 6. С. 159–162.
5. *Григорьева И.А., Видясова Л.А., Дмитриева А.В., Сергеева О.В.* Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем. СПб.: Алетейя, 2015. — 336 с.
6. *Зборовский Г.Е.* Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. — 304 с.

7. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. «Взросление» студенчества как феномен меняющегося высшего образования // Высшее образование в России. 2017. № 4. С. 38–49.
8. Rogozin D. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62–93.
9. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009. — 271 с.
10. Ткаченко Н. Наши университеты [электронный ресурс]. Дата обращения: 29.12.2016. URL: <<https://www.3voznrast.ru/article/society/amerika/8179/>>.
11. Ярская В.Н. Темпорально-смысловая дистанция в поле социальной сплоченности // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 14–24.
12. Cooke M. Policy changes and the labour force participation of older workers: Evidence from six countries // Canadian Journal on Aging. 2006. Vol. 25. No. 4. P. 387–400. DOI: 10.1353/cja.2007.0015
13. From exclusion to inclusion in old age: a global challenge / Ed. by N. Scharf, N.C. Keating. Bristol, UK: Polity Press, 2012. — 192 p.
14. Jamieson A. Retirement, learning and the role of Higher Education // International Journal of Lifelong Education. 2016. Vol. 35. No. 5. P. 477–489. DOI: 10.1080/02601370.2016.1224036

Дата поступления: 12.03.2017.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL
2017. VOL. 23. NO. 2. P. 8–27. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5157

G.E. ZBOROVSKY, P.A. AMBAROVA

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation.

Garold E. Zborovsky — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Address: Mira str., bl. 19, 620002, Ekaterinburg, Russian Federation.

Phone: +7 (343) 375-48-22. **Email:** garoldzborovsky@gmail.com

Polina A. Ambarova — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Address: Mira str., bl. 19, 620002, Ekaterinburg, Russian Federation.

Phone: +7 (343) 375-48-22. **Email:** borges75@mail.ru

TYPOLOGY OF STRATEGIES FOR OVERCOMING

THE TEMPORAL CONTRADICTIONS OF THE AGE GROUPS³

Abstract. The purpose of this article is to analyze age communities in the context of the unity and contradiction of their biological, psychological and social time to identify the features

³ The article has been prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 16-18-00014 “The time of social community: methodology and methods of research strategies decision of temporal contradictions”.

of their temporal behavior strategies. Presented are the results of theoretically elaborating the concepts of certain age communities, their temporal contradictions and a typological analysis of strategies for overcoming the latter. Substantiated is the use of interdisciplinary methodology when studying this issue and integrating the achievements of science, social psychology and sociology. Provided is the author's interpretation of an age community being an association of people connected and interacting with each other on the basis of similar biological, psychological and social ages, the features and contradictions of which are formed in a specific social and historical context. Revealed is the concept of dyschronosis as a mismatch of the three types of time for an age community — biological, psychological and social. One of the possible approaches towards constructing a typology of strategies for overcoming age-related dyschronosis is suggested. It is shown to be based on the use of such a criterion as choosing ways and forms of overcoming temporal contradictions. The article's empirical basis consists of results from a study conducted by the authors using qualitative methods — in-depth interviews with representatives of different age communities, analyzing the content of websites, forums, blogs and social networks related to the research problem. The results of the research can be reflected in the recommendations for educational, cultural, leisure organizations, social institutions working with different age communities, public authorities and local self-government in order to optimize social, economic, cultural and educational policies.

Keywords: age community; dyschronosis; strategies for overcoming temporal contradictions; biological, psychological and social time.

For citation: Zborovsky G.E., Ambarova P.A. Typology of Strategies for overcoming the Temporal Contradictions of the Age Groups. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 2. P. 8–27. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5157

REFERENCES

1. Ambarova P.A. Children will be born, and life happened again... Mature parenthood as a strategy of “overcoming age”. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya “Sotsial’nye nauki”*. 2016. No. 4. P. 127–134. (In Russ.)
2. Bocharov V.V. *Antropologiya vozrasta*. [Anthropology of age]. St Petersburg: SPbGU publ., 2000. (In Russ.)
3. Bukhalova N.A. Problems of social inclusion of elderly and senile people. *Vektor nauki TGU. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*. 2015. No. 4. P. 57–60. (In Russ.)
4. Vysotskaya I.V. Self-organization as an educational institution in the sphere of education of the elderly in Germany. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*. 2012. No. 6. P. 159–162. (In Russ.)
5. Grigor’eva I.A., Vidyasova L.A., Dmitrieva A.V., Sergeeva O.V. *Pozhilye v sovremennoi Rossii: mezhdru zanyatost’yu, obrazovaniem i zdorov’em*. [Elderly in modern Russia: Between employment, education and health.] St Petersburg: Aleteiya, 2015. 336 p. (In Russ.)
6. Zborovskiy G.E. *Teoriya sotsial’noi obshchnosti*. [The theory of social community.] Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet, 2009. 304 p. (In Russ.)
7. Zborovskiy G.E., Ambarova P.A. “Adulthood” of students as a phenomenon of changing higher education. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2017. No. 4. P. 38–49.
8. Rogozin D. Liberalization of aging, or labor, knowledge and health in older age. *Sociologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2012. No. 4. P. 62–93. (In Russ.)
9. Semenova V.V. *Sotsial’naya dinamika pokolenii: Problema i real’nost’*. [Social dynamics of generations: The problem and reality]. Moscow: ROSSPEN publ., 2009. 271 p. (In Russ.)

10. Tkachenko N. *Our Universities*. Accessed 29.12.2016. URL: <<https://www.3vozrast.ru/article/society/amerika/8179/>>. (In Russ.)
11. Yarskaya V.N. Temporal and semantic distance in the field of social cohesion. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 1. P. 14–24. (In Russ.)
12. Cooke M. Policy changes and the labour force participation of older workers: Evidence from six countries. *Canadian Journal on Aging*. 2006. Vol. 25. No. 4. P. 387–400. DOI: 10.1353/cja.2007.0015
13. *From exclusion to inclusion in old age: A global challenge*. Ed. by N. Scharf, N.C. Keating. Bristol, UK: Polity Press, 2012. 192 p.
14. Jamieson A. Retirement, learning and the role of Higher Education. *International Journal of Lifelong Education*. 2016. Vol. 35. No. 5. P. 477–489. DOI: 10.1080/02601370.2016.1224036

Received: 12.03.2017.
